

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Каменского Михаила Васильевича
«Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка (Майкоп, 2015)

В организации дискурса принимает участие корпус операторных слов, которые задают порядок дискурсу как фрагменту коммуникативного процесса. Здесь, очевидно следует различать три группы операторов: собственно синтаксические операторы, являющиеся сигналами отношений между предложениями и их частями, модальные операторы, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания, а также операторы, так или иначе регулирующие отношения между коммуникантами. Указанные операторные слова и выражения до настоящего времени не получили исчерпывающего научного описания в функционально-семантическом плане.

Актуальность исследования, предпринятого М.В. Каменским, в значительной степени определяется отсутствием должной систематизации всего разнообразия дискурсивных операторов с учетом новейших положений лингвистики, что существенно для решения задач как теоретического, так и прикладного назначения.

Надо сказать, что выделение регулятивных сигналов интерактивного плана из множества разнообразных дискурсивных операторов – непростая задача, о чем свидетельствует терминологический разнобой в научных описаниях данного явления. Для облегчения их индентификации автор диссертации взял на вооружение термин «дискурсные маркеры», подразумевая под ним именно операторы, маркирующие дискурсивное взаимодействие коммуникантов в ходе построения дискурса.

Автор диссертации посчитал необходимым увязать дискурсивное взаимодействие с обменом знаниями, информацией, происходящим в ходе общения, рассматривать дискурсные маркеры с учетом когнитивных процессов, лежащих в основе коммуникативной деятельности. Это

предопределило описание функционирования дискурсных маркеров в связи с когнитивными параметрами дискурса и с дискурсивным моделированием когнитивного содержания. Но принятый подход вызвал необходимость своего научного обоснования применительно к предмету исследования и написание соответствующих теоретических разделов диссертации, что повлекло значительное увеличение ее объема.

Диссертация М.В.Каменского представляет собой научный труд объемом в 481 стр. текста, где 414 стр. занимает собственно исследование (5 глав), а последующие страницы занимают библиографические данные, включающие 617 теоретических источников. Текст сопровождается приложением, содержащим материалы экспериментальной части работы, не вошедшие в основной текст диссертации.

Первая глава диссертации посвящена рассмотрению лингвистических исследований в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и семантико-когнитивного аспекта дискурса как среды появления и функционирования дискурсных маркеров; в ней обосновывается применение дискурсивного анализа как когнитивно-ориентированного метода изучения дискурсных маркеров, описываются их когнитивно-дискурсивные характеристики и постулируется определение дискурсных маркеров в русле когнитивно-дискурсивного подхода.

Делается вывод о функциях дискурсных маркеров, выступающих как формальные экспликатеры когнитивных связей и пресуппозиций, а также как когнитивные регуляторы ситуации общения.

Во второй главе рассматриваются интерпретации дискурсных маркеров и их функций в актуальных когнитивных лингвистических теориях, изучаются основные теоретические подходы к классификации дискурсных маркеров в современных лингвистических исследованиях; вводится понятие «когнитивная нагрузка» как концептуальная основа классификации дискурсных маркеров по их функции в дискурсивном процессе. Когнитивно-функциональная классификация дискурсивных маркеров, разработанная

автором, содержит 66 функциональных разрядов, каждый из которых определяется согласно особенностям их когнитивной нагрузки. При этом нередко наблюдается принадлежность одного и того же дискурсивного маркера к разным классификационным группам, что объясняется полифункциональностью дискурсивных маркеров и их способностью нести различную когнитивную нагрузку в зависимости от интенций и когнитивного фонда коммуникантов в условиях каждой конкретной ситуации общения.

Делается вывод о том, что хотя лексемы, функционирующие в коммуникативном взаимодействии в качестве дискурсивных маркеров, не несут конкретного номинативного значения и не обладают предметным концептуальным наполнением, они являются носителями абстрактных концептуальных признаков, несут в себе концептуальный заряд, изменяя ментальные состояния коммуникантов в ходе дискурсивного взаимодействия.

В третьей главе рассматриваются понятия, связанные с лингвистическим моделированием, и обосновывается возможность исследования роли дискурсивных маркеров в ходе построения моделей понимания и когнитивной обработки дискурса, а также предпринимается попытка моделирования дискурсивных маркеров как когнитивно-функциональных элементов дискурсивного процесса.

При моделировании лингвокогнитивной ситуации в дискурсе автор принимает за основу высказывание как единицу, объединяющую семантико-прагматические координаты дискурсивного взаимодействия и служащую минимальным контекстом функционирования дискурсивных маркеров.

Дискурсивные маркеры являются «функциональными координатами дискурса», связывая в определенной точке три основных дискурсивных «вектора»: 1) вербальные и ситуационные контексты в их формальном и содержательном плане; 2) модально-диктальные установки участника общения; 3) цели участников диалогического общения.

Дискурсивные маркеры употребляются в высказывании в информационно-сильной позиции и используются адресантом как средство создания

«дискурсивной напряженности», эвиденциальности и модализации высказывания.

Дискурсивные маркеры, являясь регулятивными элементами общения, участвуют в организации различных типов дискурса. Они могут исследоваться как стилемаркирующие единицы научного, эпистолярного, публицистического, делового, разговорного и других типов дискурса.

Автор объединяет дискурсивные маркеры в функциональные слоты, в рамках которых группируются различные дискурсивные маркеры, отличающиеся друг от друга по лексическим и грамматическим параметрам, но схожие по дискурсивной функции, иллокутивному потенциалу и когнитивной нагрузке. Каждая дискретная единица построенной модели представляет собой *функциональный слот*, понимаемый как «контейнер для некоторого типичного содержания».

Когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров представляет собой иерархическую структуру, в которой функциональные слоты группируются на более высоком уровне в 3 классификационные группы: группа подтверждения и интенсификации когнитивных представлений; группа противоречия существующим когнитивным представлениям или их отмены; группа ввода новых когнитивных представлений о контексте дискурса.

В четвертой главе выдвигается идея построения автоматизированной среды анализа дискурсивного материала с целью выделения дискурсивных маркеров и их когнитивно-функциональной параметризации, для чего исследуются теоретические подходы к автоматизированному когнитивному анализу дискурса; разрабатывается методология автоматизированного анализа применительно к дискурсивным маркерам и приводится описание разработанного на многофункциональной лингвистической платформе GATE автоматизированного когнитивно-функционального анализатора дискурсивных маркеров.

Автор констатирует то, что существующие в настоящее время корпуса текстов не оснащены специфическими технологиями автоматизированного дискурсивного анализа, позволяющего идентифицировать слова, используемые в качестве дискурсивных маркеров. Это определяет необходимость построения специализированной автоматизированной аналитической среды, позволяющей идентифицировать примеры употребления различных дискурсивных маркеров, а также определить их свойства, такие как лингвистический статус, дискурсивная функция, иллокутивный потенциал и когнитивная нагрузка, являющиеся компонентами когнитивно-функциональной модели.

В силу разнообразия дискурсивных маркеров и в целях их автоматизированной идентификации при анализе дискурса устанавливаются следующие виды выражений, выполняющих функцию дискурсивных маркеров: 1) простые регулярные выражения без параметров контекста; 2) нечеткие регулярные выражения с лингвистическими параметрами контекста; 3) комбинированные нечеткие регулярные выражения с лингвистическими, экстралингвистическими и количественными параметрами контекста. В последнем случае требуется привлечение дополнительной информации экстралингвистического порядка.

В пятой главе реализуется экспериментальная верификация построенной модели дискурсивных маркеров; дается ее лингвистическое наполнение по функциональным слотам согласно предложенной классификации; выявляются когнитивно-функциональные особенности дискурсивных маркеров в различных типах дискурса, которые приводятся в виде статистических данных, полученных в итоге обработки больших текстовых массивов.

Диссертация М.В.Каменского содержит обширный список использованной научной литературы, при ознакомлении с которым выясняются научные предпочтения автора. Из отечественных авторов больше всего цитируются Е.С. Кубрякова, Н.И. Кондаков, И.П. Сусов, Е.А. Гельпей, Ю.И. Леденев, Л.В. Правикова, из зарубежных – Т. ван Дейк, Г. Грайс,

Ф. Джонсон-Лэрд. Однако не все научные труды, указанные в этом списке, имеют соответствующие ссылки в тексте. В частности, нет ссылок на работы следующих авторов: В.А. Звегинцев (1962), А.В. Крымнина (1996), Дж. МакКалок (1956), Дж. Серль (1986), Ch. Fillmore (1977), R. Harweg (1968), D. Hymes (1964), W. Labov (ссылка только на 1 из 3-х работ), S. Levinson (1983), D. Norman (1975), К. Pompi (1967), С. Shannon (1993). Есть случаи неверного указания количества страниц, например, в источнике Лакофф Дж., Джонсон М. (1987). Из отмеченных в списке 4 работ В.Г. Гака ссылки есть только на три работы, но в тексте есть ссылка на 1 работу В.Г. Гака, отсутствующую в библиографии. В тексте есть ссылка на работу В.А. Звегинцева 1968 г., отсутствующую в библиографии, при этом фамилия автора искажена (стр.231). Из приведенных в списке 49 работ М.В. Каменского обнаружены ссылки только на 14 работ.

На стр. 44 имеет место некорректная ссылка, в которой автору работы «Принципы формирования дискурса» (В.Г. Борботько, 2006), приписывается цитируемая в его книге мысль совсем другого автора – французской лингвистки Франсуазы Эльгорски.

Вызывает сожаление то, что ряд важных работ, принадлежащих виднейшим лингвистам, остались нерасшифрованными. Среди них не только основополагающие труды по общей лингвистике таких авторов, как В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, но и относительно недавние работы, посвященные формализации семантики языка, принадлежащие, в частности, Роджеру Шенку, Ю.Н. Караулову, А.Е. Кибрику и др., а также некоторые важные работы по теории речевых актов (Дж. Серль, П. Стросон).

В перечне авторов, работавших в области машинного перевода, странно выглядит ссылка на Романа Якобсона, статья которого не имеет к машинному переводу никакого отношения. Не менее странно выглядит и обрывочная ссылка на выдающегося психолога Л.С. Выготского, в которой говорится о том, что «в русской традиции дискурсивного анализа еще в 1970-х годах нашли применение идеи психологической теории социализации

Л.С. Выготского», но никак не комментируется этот факт. И далее (стр. 100) Л.С. Выготскому приписывается также «теория социальных репрезентаций», только непонятно: репрезентаций чего? Было бы интересно узнать более подробно о развитии идей Выготского в русле когнитивистики и о том, как его учение об *интериоризации* социальных процессов обратилось в свою противоположность.

Не вполне понятно следующее утверждение диссертанта: «значения единиц языка являются уникальными для разных языков по причине зависимости концептуализаций от физического пространства» (стр.35).

М.В. Каменский считает, что «единицы языка должны служить не только делению картины мира на определенные релевантные фрагменты, противопоставленные другим, но и одновременно способствовать их категоризации» (стр. 53). Но ведь разбиение (деление) картины мира и есть категоризация ее фрагментов. И вслед за этим автор дает формулировку, вызывающую некоторое недоумение: «Значит, языковые явления и их характеристики должны изучаться не столько с позиции качества информации, сколько под углом ее распределения на поверхности слова».

В диссертации многократно повторяется то, что дискурсные маркеры являются «неотъемлемыми элементами дискурса». Что стоит за этим утверждением? Если то, что их употребление невозможно без дискурса, то это совершенно тривиальное положение, так как их функция и состоит в организации дискурса. А если невозможен без дискурсных маркеров именно дискурс, то это не совсем так: вполне реален дискурс, не содержащий никаких союзных и усилительных элементов. Но на стр. 77 читаем: «Неотъемлемыми элементами дискурса являются дискурсные маркеры, обладающие признаками национальной речи и мышления и рассматриваемые нами как формальные экспликативы когнитивных связей в структуре дискурса». Таким образом, и согласно самому автору, дискурсивные маркеры – это лишь «формальные экспликативы когнитивных связей», а, следовательно, они

имеют факультативный статус, что противоречит утверждению об их «неотъемлемости».

На двух страницах (62-63) описываются свойства дискурсивного оператора английского языка *like*, а затем на основании примеров только с одним этим оператором идут пространные выводы и обобщения, приводится схема общих лингвистических свойств дискурсных маркеров. Естественно спросить: а как они выглядят? Пока что не было представлено никаких дискурсных маркеров кроме оператора *like*, поэтому обобщающие выводы об их свойствах делать в этом месте преждевременно.

Бесспорно то, что метафора как аналогическое развитие идеи играет существенную роль в процессе концептуализации, но в работах когнитивистов эта роль с подачи Дж. Лакоффа оказывается излишне преувеличенной, когда они объявляют когнитивную метафору основной ментальной операцией в познании и объяснении мира. Очевидно, что не следует считать образование абстрактного значения у слова обязательно следствием его метафоризации, оно может возникнуть и в результате десемантизации. Так, пример с английским словом *well*, на стр. 98, которое превращается из полнозначного наречия в дискурсный маркер, как раз представляет собой случай не метафоризации, а вполне тривиальной десемантизации, такой же, как, например, в русском дискурсном маркере *ладно*, как в союзах *хотя*, *несмотря на*, *ввиду* и т. п., превратившихся из полнозначных слов в синтаксические операторы.

Вполне резонно замечание диссертанта (на стр. 100) о том, что теория метафорического происхождения дискурсных маркеров не отражает специфики таких дискурсных маркеров, как междометия и средства логической связи. Надо добавить, что сказанное справедливо и для всех остальных дискурсных маркеров, что убедительно показано в последующих разделах диссертации и свидетельствует о том, что когнитивная метафора у лингвокогнитивистов во многих случаях притянута искусственно.

Неубедительны рассуждения автора о том, что развитие «теории социализации как теории представления знаний в речи» явилось «существенным шагом вперед по сравнению с традиционными фреймовыми построениями» (стр. 100).

Во-первых, фреймовые построения – это как раз новые когнитивно-семантические, искусственные формы представления знаний, в противоположность традиционным речевым формам. Во-вторых, если автор имеет в виду социально санкционированные когнитивные образы в представлении знаний посредством естественного языка, то вряд ли корректно сравнивать их с фреймами – элементами искусственного семантического языка.

Совершенно обоснованно автор присоединяется к мнению Л.В. Правиковой, которая рассматривает дискурсивные маркеры как концептуально пустые слова, то есть, не являющиеся носителями понятий. Заметим, что в традициях когнитивистов даже союзы и предлоги концептуальны.

Далее, в своих рассуждениях о междометиях, автор использует не существующее в русском языке прилагательное в сочетании «междометийные маркеры» (следует употреблять термин «междометные»). Автором используется и другое не существующее в русском языке слово «отмечание», например, «отмечание начала и конца диалога» (на стр. 216 и след.).

Рассуждая о концептах, имеющих различную степень абстрактности, автор характеризует выдвигаемый им концепт «когнитивная нагрузка» как концепт «высокого уровня абстракции» (стр. 142). Это словосочетание многократно повторяется на протяжении всей работы. Но суть данного концепта заключается не в том, что он обладает высоким уровнем абстракции, а в том, что этот концепт-конструкт является метаязыковым концептом, т. е. может быть поставлен в один ряд с такими понятиями, как «значение», «функция», «предикация» и т. п., относящимся к метаязыку лингвистики, а не к языку объекту, понятийно отражающему элементы внеязыкового порядка.

Так что вместо термина «концепт высокого уровня абстракции» можно было бы использовать термин «метаязыковой концепт».

В работе не проведено четкого различия между языковыми (дискурсивными) моделями ситуаций и научными лингвистическими моделями высказывания (дискурса), которые являются метамоделями по отношению к языковым моделям реальности.

Следует отметить то, что выводы по главам имеют неоправданно большой объем, отличаются большим количеством и многословностью, в то время как они должны быть предельно сжатыми, лаконичными, демонстрируя умение исследователя выделить главное, наиболее существенное.

Приведенные замечания, разумеется, ни в коей мере не снижают теоретической значимости исследования М.В. Каменского и ее высокой практической ценности.

Автор не ограничился аналитическим обзором с перечислением существующих методологических концепций, но создал их типологическую классификацию. Несомненным достоинством работы М.В. Каменского является последовательная систематизация всех точек зрения, научных направлений и языкового материала на пути к построению итоговой модели функционирования дискурсных маркеров.

Можно посочувствовать автору, переработавшему огромное количество информации из области когнитивистики, значительная часть которой выглядит как избыточная, не имея непосредственного отношения к предмету исследования. Тем не менее, автор мужественно проложил себе дорогу через когнитивные дебри и пришел к существу дела, переключившись с когнитивистики на лингвопрагматику – работы Пола Грайса, в контексте которых дискурсные маркеры обрели свою естественную среду, являясь выразителями отношений между единицами языка и его пользователями, то есть, операторами, задающими порядок дискурсу сообразно структуре речевого акта. В этом контексте совершенно правильно указание автора (стр. 77) на реализацию дискурсными операторами таких функций, как локуция,

иллокуция, перлокуция, логическое структурирование, актуальное членение высказываний, ввод новой информации, ее подтверждение, интенсификация или отмена, ввод сопутствующих эмотивных смыслов и т. п.

Отметим, что автор совершенно прав, когда он пишет (на стр. 178) о дискурсных маркерах следующее: «данные языковые единицы действуют в качестве дискурсивных **операторов** и, обладая определенной прагматической нагрузкой в силу своего интенционального употребления, обеспечивают связь между высказываниями, тем самым регулируя когнитивные процессы интерпретации дискурса».

Обстоятельно проработав многочисленные теоретические источники, автор закономерно пришел к выводу: «исследование дискурса должно опираться на определенные прагматические аспекты, благодаря которым становится реальным изучение возможностей коммуникативного воздействия, направленного на управление поведением человека, что присуще таким лексическим единицам, как дискурсные маркеры» (198).

Функции ввода новой информации, ее подтверждения, опровержения или отмены далее определяются автором как когнитивно-значимые функции.

Эти функции положены в основу модели, предложенной и построенной автором, которая выглядит как фрейм, где дискурсные маркеры сгруппированы в три подфрейма с терминальными элементами – слотами: маркеры подтверждения-усиления информации образуют 29 слотов, маркеры противоречия-отмены 8 слотов, маркеры ввода новой информации 29 слотов. Дискурсные маркеры включены в функциональные слоты по общности их регулятивного воздействия, где каждый маркер выступает как минимально выделяемый квант когнитивно-функционального потенциала, характеризуемый триадой «дискурсивная функция – иллокутивный потенциал – когнитивная нагрузка».

В связи с определением коммуникативной нагрузки дискурсных маркеров автором введено важное разграничение между однозначными и неоднозначными словами, между явлениями десемантизации и

деграмматизации слов. К неполнозначным словам он относит неконцептуальные слова: предлоги, союзы, частицы, предложные и союзные сочетания и междометия. Десемантизированные лексические единицы обладают полноценной смысловой наполненностью при стандартном употреблении, но утрачивают ее при употреблении в качестве дискурсного маркера. К деграмматизированным дискурсным маркерам причисляются только языковые единицы, имеющие четко идентифицируемую грамматическую роль в качестве члена предложения, но утрачивающие ее при переходе в класс дискурсных маркеров. Тем самым, дискурсные маркеры, изначально не вступающие в синтаксическую связь в предложении в силу своего грамматического статуса (например, вводные слова), не относятся к деграмматизированным единицам.

Важным является вывод автора о связи прагматического компонента модели с когнитивным: «несмотря на то, что лексемы, функционирующие в коммуникативном взаимодействии в качестве дискурсных маркеров, не несут конкретного номинативного значения и, как следствие, не обладают предметным концептуальным наполнением, они, являются носителями абстрактных концептуальных признаков и выступают в качестве языковых средств, открывающих доступ к концептуальному знанию. Дискурсные маркеры несут концептуальный заряд, выступая сигналами изменения ментального состояния коммуникантов в ходе дискурсивного взаимодействия» (стр.140).

В когнитивно-функциональной модели М.В. Каменского многие из 90 дискурсных маркеров, выделенных автором, оказываются полифункциональными, попадая в различные слоты. Таковы, например, операторы *after all, because, but, furthermore, however, moreover, nevertheless, okay, only* и др. (всего их порядка 20). В высшей степени полифункциональны операторы *well, like, oh, so, you know*.

Многопараметрическое представление семантики этих операторов позволило выявить тончайшие смысловые нюансы, дифференцирующие

каждый из вариантов их употребления, что является одним из несомненных достоинств модели М.В. Каменского.

Весьма интересными являются результаты статистического анализа дискурсных маркеров в плане их однозначности / неоднозначности, десемантизованности и деграмматизированности, что показано на разных типах дискурса: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический. Статистический анализ различных типов дискурса, проведенный автором, показал, что в наибольшей степени употреблению дискурсных маркеров подвержен разговорный дискурс, а институциональные типы дискурса (публицистический, научный, официально-деловой) характеризуются несколько меньшей долей дискурсных маркеров, причем меньше всего их наблюдается в официально-деловом дискурсе. Низкая доля дискурсных маркеров в официальном дискурсе объясняется его клишированностью, ориентированностью на употребление жестко заданных схем делового общения, принимающих на себя роль когнитивного регулирования интерпретации высказываний в данном типе дискурса. Статистически обработано и соотношение групп функциональных слотов в разных типах дискурса.

Главной заслугой автора является то, что он не только построил теоретическую модель, но и создал на базе этой модели оригинальную автоматизированную поисковую систему и показал ее в действии на обширном массиве текстового материала, принадлежащего разным функциональным стилям, тем самым продемонстрировав выдающуюся практическую ценность своего исследования. При этом автор убедительно показал и лингвокультурную специфику английского корпуса дискурсных маркеров на основе последовательного сопоставления английского и русского дискурсов. Таким образом, можно говорить о практической применимости данного опыта дискурс-анализа не только в чтении спецкурсов по лингвистике и теории коммуникации, но и в сопоставительном дискурсивном лингвокультуроведении.

Диссертация М.В.Каменского выгодно отличается от других работ в области лингвокогнитологии и лингвистической прагматики тем, что она представляет собой существенный вклад как в теоретическую, так и в прикладную лингвистику. Содержание исследования отражено с исчерпывающей полнотой в достаточно представительном количестве авторских печатных работ и в автореферате диссертации.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что данное исследование отвечает требованиям, установленным для докторских диссертаций в пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ № 842 от 24.09.2013 г., а также паспорту специальности 10.02.19 – теория языка. Диссертант, Каменский Михаил Васильевич, достоин присуждения ученой степени доктора филологических наук по заявленной специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры романских и германских языков
Сочинского государственного университета

20.11.2015

В.Г. Борботько

Борботько Владимир Григорьевич,
доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – теория языка),
профессор кафедры романских и германских языков.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сочинский государственный университет». Почтовый адрес: 354000 Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26а. тел. 8 (862) 264-85-03; e-mail: rector@sutr.ru.

E-mail оппонента: swolh@yandex.ru; контактный тел. 8918-942-86-19.